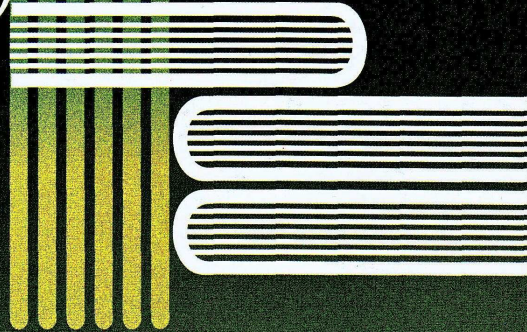

ПІВДЕННИЙ АРХІВ

Біологічні науки

PIVDENNIY ARKHIV

ЗМІСТ

1. ЛІТЕРАТУРНИЙ ПРОЦЕС: ТЕОРЕТИЧНІ ТА ІСТОРИЧНІ АСПЕКТИ	9
О. Бондарєва. РОЗМИТІСТЬ ЖАНРОВИХ КОРДОНІВ НОВІТНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ДРАМАТУРГІЇ.....	10
Б. Євсєєв. РОСІЙСЬКА ХУДОЖНЯ ПРОЗА СЬОГОДНІ.....	16
І. Остапенко. СУБ'ЄКТНА СФЕРА ЛІРИЧНОГО ТЕКСТУ: ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ.....	25
2. АВТОР ТА ТВІР ЯК ЕСТЕТИЧНА ЦІННІСТЬ	34
Р. Бакіров, О. Пашкуров. "ДО ПРОБЛЕМИ МАСОЧНОСТІ В ЛІТЕРАТУРІ РОСІЙСЬКОГО ПЕРЕРОМАНТИЗМУ: ДВА "ВЕЧОРА..." (М.О. ЛЬВОВ ТА Г.П. КАМЕНЄВ)".....	35
В. Казарін, М. Новікова. ПОЕЗІЯ А.А. АХМАТОВОЇ "ЗНОВУ ПОДАРОВАНІЙ МЕНІ ДРІМОТОЮ" (ДОСВІД РЕАЛЬНОГО КОМЕНТАРЮ). Публікація 2.....	42
С. Кочєгова. РАМКОВИЙ КОМПОНЕНТ ТА ЙОГО ФУНКЦІЇ В АРХІТЕКТОНІЦІ ТРИЛОГІЇ МАРКА АЛДАНОВА "КЛЮЧ" – "БЕГСТВО" – "ПЕЩЕРА".....	46
І. Московкіна. "МАЛЕНЬКІ КОМЕДІЇ" ЛЕОНІДА АНДРЕЄВА: КОНТЕКСТ, ІНТЕРТЕКСТ, МЕТАТЕКСТ.....	53
Т. Ташкінова. СВОЄРІДНІСТЬ ХУДОЖНЬОГО ОСЯГНЕННЯ ЗАГАЛЬНОБУТТЄВОГО ФЕНОМЕНУ СМЕРТІ У ДРАМАТУРГІЇ МАРІЇ ВІРГІНСЬКОЇ (НА ПРИКЛАДІ П'ЄСИ "СУЗІР'Я МАМИ").....	59
Е. Тулуп. ВІЛЬЯМ ДУНБАР: ЛІРИЧНА ДРАМАТУРГІЯ ТА ЇЇ МІФОРИТУАЛЬНІ ВИТОКИ.....	66
Т. Шєховцова. ПРОСТОРОВА АКСІОЛОГІЯ ДМИТРА ДАНИЛОВА.....	74
Е. Шєстакова. ОКСИМОРОННИЙ ОБРАЗ НЕПРАВДИ (ОБМАНУ) В РОСІЙСЬКІЙ ПОЕЗІЇ ХІХ – ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ ХХ СТ.....	81
3. ДІАЛОГ З МИНУЛИМ У ХУДОЖНІЙ СВІДОМОСТІ ХХ СТОЛІТТЯ	91
В. Гладишев. ОСМИСЛЕННЯ ХУДОЖНЬОЇ ДЕТАЛІ ПІД ЧАС ШКІЛЬНОГО ВИВЧЕННЯ П'ЄСИ БЕРНАРДА ШОУ "ПІГМАЛІОН".....	92

*магистрант филологического
факультета Казанского
(Приволжского) федерального
университета*

А. Пашкуров

*доктор филологических наук,
доцент кафедры русской
литературы Казанского
(Приволжского) федерального
университета*

К ПРОБЛЕМЕ МАСОЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА: ДВА "ВЕЧЕРА..."

(Н.А. ЛЬВОВ И Г.П. КАМЕНЕВ)

Формирование во второй половине XVIII века поэтики предромантизма происходит на фоне развития в обществе и в литературной культуре данной эпохи некоторых социально-быто-философских принципов, одним из которых является принцип Игры [18; 10]. В культуре проявляется игра в интересующем нас контексте, например, в том, что "...общая тенденция внешности аристократов XVIII века может быть сформулирована так: больше приоткрыть привлекательное тело, больше скрыть подлинное лицо" [10, с.99]. Происходит, таким образом, актуализация принципа масочности как "суб-черты" игры, что не может не найти свое отражение и в литературе. В монографии, посвященной теоретико-методологическим основаниям литературы русского предромантизма, Т.В.Федосеева постулирует несомненность актуализации приема игры "...именно в условиях смены типов художественного мышления" [32, с.107], в том числе опираясь на известную статью Н.А.Каргаполова [10], о масочности как одной из доминирующих черт в крыловской "Почте духов". Однако все это остается единичными примерами освоения масочного игрового пространства предромантизма, хотя сам диалогический характер этого художественного явления [23; 24] диктует понимание его "sub specie ludi" [34]. На фоне же усиления в последнее время интереса к игровой поэтике, в качестве своеобразной теоретической базы научных исследований по реализации игровых принципов в русской литературе для нас наиболее актуальными представляются классические работы М.Хайдеггера (см., например, [33]) и Й.Хейзинга ([34]) в Европе, а также некоторые современные работы российских и украинских исследователей ([18; 8; 31; 13]), явным недостатком которых является их чрезмерная ориентация или на мифологическую, или, наоборот, на современную литературу.

Нашей целью будет дать начальное представление о некоторых реализациях феномена литературной маски в идиллично-элегической жанровой системе предромантизма на примере произведений Н.А.Львова и Г.П.Каменева. Выбор стихотворений для анализа ("Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8" [20, с. 29-32], "Вечер 14 июня 1801" [9]), разумеется, не случаен. Во-первых, в них мы видим отражение двух наиболее отдаленных поэтических мировоззренческих моделей русского предромантизма: соответственно, оптимистической и глубоко пессимистической – что дает нам возможность показать характерность масочности для поэтики предромантизма вообще, независимо от особенностей поэтического сознания разных авторов. Во-вторых, творчество Н.Львова и Г.Каменева, несмотря на увеличение в последнее время интереса ряда исследователей к их личности, требует уточнения с позиций отражения в их поэзии общих принципов предромантической поэтики и заставляет нас

дополнять их "поэтическую карту". В-третьих же, взятые нами для рассмотрения произведения имеют ряд общих черт, о которых будет сказано далее и которые также складываются в общее масочное пространство предромантизма.

Сразу же необходимо определить характерологические особенности масок у Львова и Каменева. В творчестве первого актуализируется литературная маска "простака", вводящая в свое семантическое поле также маски "шута", "юродивого", "дурака", и т.д. – с одной стороны, здесь вполне наследуются традиции литературы Древней Руси (ср., например – "скоморошество" автогероя у Даниила Заточника и Ивана Грозного); с другой стороны – вполне предсказываются постмодернистские стремления уже современного нам литературного процесса [29]; предромантизм же, и Львов со своим действительно "ненормативным сознанием" [7, с.31] в частности, становятся в центр этой хронологически построенной масочной системы, передавая традиции из древнерусской литературы в современность. У Каменева же мы видим реализацию совершенно другой маски эпохи – показательно здесь высказывание в отношении фигуры Г.П.Каменева Е.И.Карташевой, отмечающей, что для предромантиков "кладбищенского направления" зачастую "ореол мрачности, ипохондрии, уныния – это своего рода художественная игра, мистификация, созданный образ" [11, с.73]. В модели поэтического сознания Каменева реализуются, прежде всего, особенности ранней предромантической европейской "кладбищенской" поэзии (выражающейся, например, даже чисто в статистическом преобладании в творчестве казанского поэта именно гресевско-юнггианских мотивов).

Говоря о развитии предромантической игры в сочетании с маской "простака", невозможно обойти вниманием поэзию Н.А.Львова. И здесь следует, пожалуй, внести небольшое уточнение в уже сложившуюся теорию поэтики данного писателя, основная черта которой определяется как "нестремление" за пределы "литературной домашности" [21, с.158]. "Домашность" в случае с Львовым, скорее, является не основной (в этом случае ряд законных вопросов вызывает, к примеру, авторское неопубликованное "рукописное собрание сочинений" Н.А. Львова [21]), а "под-чертой" творчества, одной из разновидностей (здесь – на коммуникативном уровне текста) литературной игры, притом не только в поэзии, но также и в драматургии и эпистолярной [26]. Львовская "Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8", опубликованная впервые в "Собеседнике любителей русского слова", в части 1 за 1783 год [15, с.396], – яркий тому пример. Стихотворение несет в себе целый ряд составляющих игровой маски "простака" на разных уровнях. Дата в названии – 8 ноября 1780 года полностью совпадает с датой женитьбы Львова на М.А.Дьяковой. "Значительность этого сочинения Львова в автобиографическом отношении" [12, с.718] уже давно доказана исследователями и даже была последовательно проведена (вполне в духе львовской игры) сначала мифологизация [7], а затем и демифологизация женитьбы писателя, реально-биографического плана данного стихотворения [см.: 1; 16]. Однако собственно поэтика данного стихотворения так и не проанализирована.

Между тем, как проявление авторской маски простака мы, для начала, можем рассматривать образ неудачливого героя-пастуха (ср. один из самых устойчивых в других произведениях Львова – мотив "любownika-неудачника") и недогадливой пастушки – в тандеме они рожают повторяющийся в творчестве Львова иронично-эротический подтекст сюжета [21, с.162], продиктованный, в том числе, увлечением Н.А.Львова французской эротической поэзией. Здесь же мы видим выход в следующий план, собственно реально-авторский ("поэт-простак", изображающий собственную женитьбу как эротическую сценку и прилюдно "раздевающий" свою жену), притом с точной датировкой в заглавии данного "события". Здесь уместно вспомнить бахтинское "здоровое непонимание дурака", своеобразное обращение автора к читателю в вопросе "А почему нельзя?". Впрочем, в этом отношении, подобную же семантическую взаимосвязь любовных и эротических мотивов как части маски "простака" можно заметить и в дневниковой прозе Львова, достаточно вспомнить запись на испанском в его полудневниковой "Путевой тетради № 1": "1778, июня

29. ...Ночь, которая была так прекрасна для меня, поскольку я увидел всю красоту тела моей Машеньки" [17, с.118].

"Простачные" масочные моменты отражаются и в жанровом определении самим Львовым своего произведения ("маску" в данном случае мы понимаем как единство внутритекстовых и реально-биографических составляющих поэта-творца). "Идиллия" выносится именно в название стихотворения и трактуется буквально – брак как достижение пасторального "рая на земле", тем самым жанрово-стилистический план объединяется с реально-биографическим. Львов в данном случае словно бы "прикидывается дурачком", внося элементы одической поэтики в идиллический жанр и тем самым, наравне с М.Н.Муравьевым в сентиментализме, по-новому развивая казалось бы навсегда сложившуюся еще в классицистическом искусстве тему "Золотого века" как идеального воплощения гармонии всего сущего. У обоих друзей "золотой век" приходит в современность, становится вполне реальным и осязаемым (о реализации мифологемы Золотого века и ключевых мотивах индивидуальной рецепции в творчестве Муравьева см. [28]), хотя в классицистической поэтике "основное различие <оды и идиллии> состояло в том, что для оды "золотой век" — это здесь и сейчас; для идиллии — это где-то в другом, очень далеком месте и в другое, далекое время" [14, с.172]. Однако необходимо учесть, что если у Муравьева мы видим "стремление провидеть гармонию идиллии в обыденном" [25, с. 47]; то Львов, все же не выходя на подобный "высокий" уровень, метафорически идеализирует единичный и величайший праздник в собственной жизни, некое огромное событие, ориентируясь при этом не на античную как Муравьев, а скорее на рокайльную традицию французского пасторального романа XVIII-XVIII веков, в котором аристократия того времени узнавала себя [22]. "Простак"-Львов, таким образом, проявляет себя и в другом диалоге с одической поэтикой – предметом возвышения в его панегирическом по характеру стихотворении становится не бракосочетание кого-либо из императорской семьи (как наиболее яркие примеры – "Ода на день брачного сочетания великого князя Петра Федоровича и великий княгини Екатерины Алексеевны 1745 года" М.В.Ломоносова, "Ода на день брачного сочетания цесаревича великого князя Павла Петровича и великия княгини Наталии Алексеевны" В.И.Майкова, "Ода на торжественное бракосочетание их императорских высочеств государя цесаревича, великого князя Павла Петровича и государыни великия княгини Наталии Алексеевны, 1773 года, сентября 29 дня" Я.Б.Княжнина и т.п.), а собственная свадьба – в чем-то здесь может проявляться и трагический мотив шутовства и юродства (шут и юродивый (часто – Николка!), как мы помним, были единственным, кто мог ставить себя наравне с государем).

Совершенно отлична по своему коннотативному наполнению от львовской маска у Г.Каменева, что в очередной раз демонстрирует художественное богатство предромантизма как явления русской литературы. Однако основные принципы предромантической масочности остаются практически теми же. Каменев, как и Львов, использует маску на всем протяжении своего творчества, только у него это уже маска "гипохондрика", с некоторыми элементами масонской идеологии. Необходимо отметить и гораздо более сильное "прирастание" маски Каменева к его собственной реальной индивидуальности – наиболее ярко это видно как раз на примере взятого нами для рассмотрения стихотворения.

Отметим сходные особенности поэтик двух произведений, постепенно расширяя сферы обобщений и одновременно раскрывая черты маски "гипохондрика" у Каменева. В первых, оба стихотворения носят ярко выраженный автобиографический характер. В случае с Каменевым "материалом-поводом" для написания послужила его вечерняя прогулка с друзьями по кладбищу Хизического монастыря в Казани (именно на нем спустя месяц после этого поэт и был похоронен) – притом и Львов, и Каменев дают точную дату, придавая тем самым некоторый дневниковый "привкус" своим поэтическим творениям. В связи с проблемой масочности здесь может видеться стремление придать маске достоверность, ввести ее в реальный план, заставив поверить читателя в ее физическую состоятельность. Из

этого проистекает и то, что, во-вторых, сюжет "на основе реальных событий" прочно связан с жанрово-тематическими особенностями (типично-буколическое изложение событий в произведении Львова и настолько же типично-элегическое у Каменева [6]). В отношении Каменева этот пункт наиболее важен, так как именно в нем может крыться загадка последних лет жизни поэта и его скоропостижной кончины – возможно, маска "гипохондрика" (формировавшаяся, скорее всего, на стыке литературных пристрастий Каменева и неудач собственной жизни вкупе с позднейшим влиянием масонской идеологии – вспомним об особой масонской "добродетели", или, как говорили в ордене, "должности" – любви к смерти [30, с.111]) стала для писателя реальной. Маска стала диктовать Каменеву определенные модели поведения, встал вопрос "Как должен вести себя настоящий меланхолик?". И Каменев находит ответ (видимо, не без влияния трагической и почти омифологизированной истории Юнга и готического романа [5, с.223]) – если у Львова масочная составляющая переходит в дневниковые записи, то у казанского поэта она отражена в письмах другу, С.А.Москотильникову, из московской поездки: "Гипохондрика как тень везде за мною следует – ничто не занимает меня; ни множество народа, ни шум карет, ни разнообразие предметов – ничто. Все для меня густо, все удовольствия умерли..." [27, с.118]; "В праздничные дни часто хожу я по соборам, во время обедни. Собор Архангельской питает мою меланхолию <...> и я, чувствую, какое то печальное, но приятное удовольствие" [27, с.139]. В Казани же любимым местом прогулок Каменева становится именно кладбище Хизического монастыря. Таким образом, "блуждая постоянно по кладбищу и непрерывно предаваясь своему отчаянию, Каменев дожил до галлюцинаций" [3, с.89], что и стало основой сюжета "Вечера...", а также отразилось в одном из его прозаических этюдов и стихотворении "Сон".

В-третьих же, по данным произведениям мы можем говорить о сходстве идиллической и элегической моделей вообще (см. по этой проблеме в позднем русском сентиментализме [25]) – здесь, например, это проявилось в единстве хронотопических черт – *locus amoenus* и предзакатный вечер у обоих поэтов схожи в своей образно-мотивной составляющей, что во многом связано с уже отмеченной мифологемой Золотого века, в интерпретации которой в русской поэзии конца XVIII века зафиксированы как сентиментально-идиллическая топика, так и эсхатологические мотивы [28, с.18] – и уже маска поэта в каждом конкретном случае определяет семантическое наполнение той или иной составляющей поэтики произведения.

В итоге, мы можем говорить о том, что масочность как одно из проявлений литературной игры носит в предромантической поэзии самый разный характер, при этом проявляясь как внутри текста, так и вне его, переходя в реально-биографический план. Однако степень проявления маски всегда различна и нельзя определять ее как некую "константную величину". Маска становится необходимым явлением развития литературы, на уровне поэтики переходя в "личностную рефлексию" [23, с.25] поэта-предромантика и предвосхищая тем самым появление лирического героя уже в поэзии романтизма. Интересен и некоторый провиденциализм Львова и Каменева при выборе своих масок, если рассматривать коммуникативный аспект их бытования, элемент ориентации на читательское восприятие – проявилось это в позднейшей мифологизации событий, напрямую связанных с "Вечерами...". Львовская женитьба рассматривалась своеобразным прообразом сюжета пушкинской "Метели", а последнее стихотворение Каменева также вполне "романтически" якобы было найдено уже после смерти в кармане его сюртука вместе с огрызком карандаша [4, с.63]. Как видим, в сознании потомков обе маски были претворены в жизнь – и львовская ее модель с поэтикой театральной постановки в стиле популярной в его время возродившейся через жанр фьябы "комедия дель арте" [19, с.358-363]; и каменевская – со стремлением в масонском духе придания тайны всему сущему и чаттертоновским мотивом одиноко ушедшего гения, остро ощутившего дисгармонию окружающего мира и оставившего потомкам свое последнее гениальное творение. Таким образом, мифологизация

ложится последним штрихом, завершающим формирование львовской маски "простака" и каменевской "гипохондрика". При этом в стихотворении Львова маска выражена ярче, носит диалогический характер при рассмотрении в контексте всего творчества, у Каменева же заметна большая цельность при формировании собственной маски, что может быть связано в том числе с его приближением в своем творчестве к понятию "лирический герой", оформившемся уже в романтизме.

В то же время, важными и перспективными представляются дальнейшие исследования творчества поэтов русского предромантизма сквозь призму масочности, и, в особенности, творчества Н.А. Львова как одного из наиболее ярких и богатых на разного рода масочные элементы. По-прежнему, в этом отношении, открытым остается вопрос как минимум двух взаимосвязанных проблем русской литературы предромантизма: творчества Н.А.Львова и реализации принципа Игры в нем через актуализацию масочного пространства.

Литература:

1. Агамалян Л.Г. Н.А. Львов – А.Н. Оленину: послания в прозе и стихах // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сборник 3.* – Тверь, 2003. – С. 202-216.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М.Бахтин. – М., 1990. – 541с.
3. Бобров Е.А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. 3 / Е.А.Бобров – Казань, 1902. – 199 с.
4. Валеев Э.Н. "Судьбою прерванный полет..." Г. П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII - XIX веков / Э.Н.Валеев – Казань, 2001. – 136 с.
5. Вацуρο В.Э. Готический роман в России / В.Э.Вацуро – М., 2002. – 544 с.
6. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры / В.Э.Вацуро. – СПб., 1994. – 240 с.
7. Глумов А.Н. Н.А. Львов / А.Н.Глумов – М., 1980. – 207 с.
8. Игровая поэтика: Сб. науч.тр. рост.шк. игровой поэтики. – Вып.1. / Под ред. А.М. Люксембурга, Г.Ф. Рахимкуловой. – Ростов н/Д, 2006.
9. Каменев Г.П. Вечер 14 июня 1801 года / Г.П. Каменев // *Поэты-радищевцы.* – Л., 1979. – С. 485-487.
10. Каргаполов Н.А. Игровое начало в "Почте духов" (К проблеме художественного метода И.А. Крылова-прозаика) // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* – Л., 1983. – С. 99-111.
11. Карташева Е.И. Неизданные письма Гавриила Петровича Каменева / Е.И.Карташева // *Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П.Каменева и 170-летию приезда А.С. Пушкина в Казань. Материалы выступлений. 23-24 октября 2003 года.* – Казань, 2004. – 176 с.
12. Коплан Б.И. К истории жизни и творчества Н.А.Львова / Б.И.Коплан // *Известия АН СССР. Сер. 6. Т. 21. № 7-8.* – Л., 1927. – С. 699-726.
13. Корниенко О.А. Игровой модус литературы / О.А.Корниенко // *Біблія і культура: Збірник наукових статей. Випуск 11.* – Чернівці, 2009. – С. 39-50.
14. Кочеткова Н.Л. Тема "золотого века" в литературе русского сентиментализма / Н.Л.Кочеткова // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* – СПб., 1993. – С. 172-186.
15. Лаппо-Данилевский К.Ю. Комментарии / К.Ю. Лаппо-Данилевский // *Избранные сочинения / Н.А. Львов.* – Кельн; Веймар; Вена, СПб., 1994. – С. 394-417.
16. Лаппо-Данилевский К.Ю. О тайной женитьбе Н.Львова // *Новое литературное обозрение.* 1997. №23. – М., 1997. - С. 132-144.
17. Лаппо-Данилевский К.Ю. *Miscellanea Lvoviana* // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сборник 3.* – Тверь, 2003. – С. 115-125.

18. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М.Лотман. – СПб., 2002. – 413 с.
19. Луков Вл.А. Предромантизм / Вл.А.Луков – М., 2006. – 683 с.
20. Львов Н.А. Избранные сочинения / Н.А.Львов - Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. – 456 с.
21. Милогина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса 5: Н.А.Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография / Е.Г.Милогина, М.В.Строганов. – Тверь, 2008. – 278 с.
22. Пахсарьян Н.Т. Миф, пастораль, утопия: к вопросу о дифференциации и взаимодействии литературоведческих понятий / Н.Т. Пахсарьян // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры: материалы научного межрегионального семинара. Сборник научных трудов. – М., 1998. – С.12-24.
23. Пашкуров А.Н. Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории возвышенного: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. доктора филол. наук / А.Н. Пашкуров. – Казань, 2005. – 44 с.
24. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология / А.Н. Пашкуров. – Казань, 2004. – 212 с.
25. Пашкуров А.Н. Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического / А.Н. Пашкуров – Казань, 2010. – 126 с.
26. Пашкуров А.Н. Феномен "игрового" отрывка в письмах М.Н. Муравьева и Н.А. Львова (1770-1790-е годы) / А.Н. Пашкуров // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции "Михаил Муравьев и его время". – Казань, 2010. – С.43-51.
27. Письма Г.П. Каменева к С.А. Москотильникову // Бобров Е.А. Литература и просвещение в России XIX века. Материалы, исследования и заметки: Т.3. – Казань, 1902. - С. 109-170, 190-199.
28. Попович А.В. Рецепция мифологических мотивов и образов в поэзии русского преромантизма: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук / А.В. Попович. – Херсон, 2008. – 23 с.
29. Прохорова Т.Г. Постмодернизм в русской прозе: Учебное пособие / Т.Г. Прохорова. – Казань, 2005. – 96 с.
30. Сахаров В.И. Иероглифы Вольных Каменщиков. Массонство и русская литература XVIII – XIX века / В.И. Сахаров. – М., 2000. – 216 с.
31. Скворцов А.Э. Игра в современной русской поэзии / А.Э. Скворцов. – Казань, 2005. – 361 с.
32. Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма: Монография / Т.В. Федосеева – М., 2006. – 158 с.
33. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии / М. Хайдеггер // Логос. Философско-литературный журнал. Вып. 1. – М., 1991. – С.37-47
34. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й.Хейзинга – М., 1992. – 464 с.

Аннотация

**Р. БАКИРОВ, А. ПАШКУРОВ. К ПРОБЛЕМЕ МАСОЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ
РУССКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА: ДВА "ВЕЧЕРА..."
(Н.А. ЛЬВОВ И Г.П. КАМЕНЕВ)**

В статье на примере произведений Н.А. Львова и Г.П. Каменева определяется содержание понятия масочности как характерной черты поэтики предромантизма и выделяются основания для объединения в единое масочное пространство двух диаметрально противоположных масок (соответственно, маски "простака" и маски "гипохондрика").

Ключевые слова: предромантизм, Н.А. Львов, Г.П. Каменев, маска "простака", маска "гипохондрика".

Анотація

**Р. БАКИРОВ, О. ПАШКУРОВ. ДО ПРОБЛЕМИ МАСОЧНОСТІ В ЛІТЕРАТУРІ
РОСІЙСЬКОГО ПРЕРОМАНТИЗМУ: ДВА "ВЕЧОРА..."
(М.О. ЛЬВОВ ТА Г.П. КАМЕНЕВ)**

У статті на прикладі творів М.О. Львова та Г.П. Каменєва визначається зміст поняття "масочності" як характерної риси поезики преромантизму і виділяються підстави для об'єднання в єдиний масочний простір двох діаметрально протилежних масок (відповідно, маски "простеця" та маски "гіпохондрика").

Ключові слова: преромантизм, М.О. Львов, Г.П. Каменєв, маска "простеця", маска "гіпохондрика".

Summary

**R. BAKIROV, A. PASHKUROV. ON THE PROBLEM OF MASK IN THE LITERATURE
OF RUSSIAN PREROMANTICISM: TWO EVENINGS..."
(N.A. LVOV AND G.P. KAMENEV)**

The article deals with N.A. Lvov and G.P. Kamenev's poetic works and focuses on determining the content of the concept of mask as a characteristic of the poetics of Preromanticism and marking out the reasons for combining two opposite masks (the mask of "simpleton" and the mask of "hypochondriac") into common mask space.

Key words: Preromanticism, N.A. Lvov, G.P. Kamenev, the mask of "simpleton", the mask of "hypochondriac".